

Яковъ Юганъ Урсинусъ¹⁾.

Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.

Но вступленія Урсинуса въ комиссію, Большая комиссія имѣла 56 засѣданій, во время которыхъ читались и обсуждались нѣкоторые изъ депутатскихъ наказовъ и дѣйствующіе законы о дворянствѣ. Затѣмъ комиссія приступила къ чтенію законовъ, „касающихся до купеческаго сословія и до торговли вообще“, и къ обсужденію вопросовъ, возбужденныхъ примѣчаніями, которыя дѣлали къ прочтеннымъ законамъ нѣкоторые изъ депутатовъ. Первый голосъ Урсинусомъ былъ поданъ въ 60-мъ засѣданіи комиссіи въ Москвѣ 13 ноября 1767 г. [VIII, 256]. Поводомъ къ его рѣчи послужило заявленіе князя М. М. Щербатова, сдѣланное въ засѣданіи 7 ноября [VIII, 222], т. е. въ слѣдовавшемъ непосредственно за тѣмъ, въ которомъ Урсинусъ былъ утвержденъ въ званіи депутата—о необходимости, въ интересъ развитія внутренней торговли, учрежденія торжковъ и составленія для нихъ положенія.

Урсинусъ говорилъ, что по его мнѣнію въ каждой губерніи слѣдуетъ быть ярмаркамъ, но чтобы для установленія мѣста и времени для этихъ ярмарокъ собирались на совѣщаніе депутаты одной и той же губерніи или 2-хъ губерній. Удобнѣйшими мѣстами для ярмарокъ Урсинусъ полагалъ находящіяся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ городовъ.

Тѣ же совѣщанія депутатовъ должны были по мнѣнію Урсинуса опредѣлять: „гдѣ удобнѣе можно будетъ заложить небольшіе города“. „Города же пространные—говорилъ Урсинусъ—полезно умень-

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1912 г.

шить, ибо они по разнымъ причинамъ препятствуютъ умноженію народа, а для нашей Имперіи надобно еще 80 милліоновъ жителей“. Это мнѣніе замѣчательно особенно въ томъ отношеніи, что имъ проектируется новое учрежденіе,—отчасти напоминающее введенныя въ царствованіе Императора Александра II губернскаго земскаго собранія—хотя и съ весьма ограниченою компетенціею. Во всякомъ случаѣ здѣсь можно видѣть зародышъ нашихъ земскихъ учреждений.

Въ засѣданіяхъ 9, 12, 13 и 14 ноября были читаны вексельный уставъ и касающіеся до этого устава указы. Въ засѣданіи 9 ноября депутатъ Харьковскаго дворянства Куликовскій внесъ предложеніе о дозволеніи обязываться векселями дворянамъ и лицамъ другихъ званій. Послѣ этого по вопросу о распространеніи права обязываться векселями высказывались весьма многіе депутаты, въ продолженіе 7-ми засѣданій 12—22 ноября [VIII, 234—327]. Мнѣнія, поданныя депутатами, были весьма разнообразны. Сторонники распространенія права указывали большею частію на то обстоятельство, что существующія запрещенія не соблюдаются, но обходятся: лица, не имѣющія права обязываться векселями, составляютъ векселя на чужое имя, отъ чего происходятъ многіе споры о безденежности векселей, и кредиторы напрасно теряютъ права, несомнѣнно имъ принадлежащія. Другія лица, какъ напр. депутаты отъ дворянъ: Суздальскаго уѣзда гр. Толстой и Верейскаго уѣзда Степановъ, стояли за сохраненіе прежняго ограниченія. Депутатъ Степановъ объяснялъ при этомъ, что „купцы обязываются векселями для прибыли, а дворяне по нуждѣ“, и что послѣдствія, происходящія отъ писанія векселей дворянами, часто служатъ къ ихъ разоренію.

Урсинусъ высказался по этому вопросу въ засѣданіи 15 ноября (VIII, 269—273). Указавъ на необходимость векселей въ случаяхъ переводовъ денегъ изъ одной страны въ другую, а равно и въ торговыхъ оборотахъ, при чемъ существенное значеніе получаетъ точность въ исполненіи обязательствъ въ опредѣляемые для нихъ сроки, Урсинусъ выясняетъ справедливость тѣхъ строгихъ постановленій, которыми обезпечивается довѣріе къ векселямъ, и которыми вообще характеризуется вексельное право. Сравнивая съ условіями торговыхъ оборотовъ тѣ условія, при которыхъ совершается заемъ денегъ членами дворянскаго сословія, Урсинусъ усматриваетъ между ними коренное различіе, не допускающее возможности установлять одинаковыя послѣдствія неточнаго исполненія обязательствъ,

заключаемыхъ въ тѣхъ и другихъ случаяхъ. Въ однихъ случаяхъ обращеніе торговли не пресѣчется, и никто не разорится, если долговыя претензіи заплатятся нѣсколько недѣль позже договорнаго срока; напротивъ, въ другихъ общее обращеніе въ торговлѣ можетъ остановиться, когда по вексельнымъ бумагамъ не будетъ оказываемо скорого правосудія. Невозможно измѣнять столь совершенное вексельное право, какъ наше, въ пользу обязательствъ, носящихъ только имя векселя. Между тѣмъ несправедливо требовать $1\frac{1}{2}\%$ въ мѣсяць (18% годовыхъ) отъ такого человѣка, который не безъ великаго труда можетъ и самый капиталъ возвратить. „Я ожидаю“—говорилъ Урсинусъ—„отъ благородныхъ чувствъ всѣхъ высокопочтенныхъ г. г. депутатовъ, что они лучше будутъ помышлять о законахъ, которые бы доставили богатому займодавцу капиталъ съ его указными процентами, а разореніе злосчастнаго должника отвратили, нежели ободрять безпорядки, чрезъ которые займодавцу капиталъ его возвратится съ такимъ умноженіемъ процентами, что отъ того погибнетъ полезный гражданинъ“.

Урсинусъ предлагалъ, чтобы векселями могли обязываться и брать ихъ могли только дѣйствительные купцы, или когда дѣло касается до перевода денегъ въ иностранныя земли.

Послѣднія засѣданія комиссіи въ Москвѣ въ 1767 году были главнымъ образомъ посвящены слушанію и обсужденію эстляндскихъ и лифляндскихъ привилегій. За ихъ сохраненіе высказывались депутаты остзейскихъ губерній—какъ дворянства, такъ и городовъ. Депутаты коренныхъ русскихъ мѣстностей высказывались за введеніе и въ остзейскія провинціи общаго закона. Урсинусъ въ этихъ спорахъ участія не принималъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, онъ одинъ разъ сослался на привилегіи города Дерпта, котораго былъ представителемъ, но по совершенно особенному поводу: ссылаясь на эти привилегіи, онъ могъ противиться предлагавшемуся исключительному праву дворянъ на владѣніе землею.

Въ 1768 году засѣданія комиссіи возобновились—съ 18 февраля—въ Петербургѣ. Первые засѣданія этого года были посвящены слушанію и обсужденію дѣйствующихъ законовъ, „касающихся до юстиціи“. По поводу чтенія этихъ законовъ Урсинусъ въ засѣданіи 14 мая подалъ письменное мнѣніе, изложенное въ дневной запискѣ (журналь комиссіи) весьма кратко, съ пропусками существенно важнаго. Подлинное мнѣніе напечатано въ приложеніи къ XXXII тому

Сборника Имп. Р. И. Общества подъ № 40, гдѣ занимаетъ слишкомъ 11 страницъ: 432—444 (соотвѣтствующее мѣсто дневной записки напечатано въ томъ же томѣ Сборника на стр. 68).

Мнѣніе Урсинуса, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ большой интересъ, какъ сущностью многихъ частей предлагаемаго авторомъ судоустройства—весьма напоминающихъ нѣкоторыя изъ чертъ 100 лѣтъ спустя осуществившейся судебной реформы Императора Александра II—такъ иногда и мотивами, приводимыми въ защиту предлагаемаго. Потому считаю необходимымъ остановиться на этомъ мнѣніи Урсинуса нѣсколько подольше. Въ то время, какъ представители и дворянства и другихъ сословіи предлагали учрежденіе особыхъ судовъ для каждаго сословія изъ членовъ, сословіями же избираемыхъ, Урсинусъ предложилъ образованіе судебныхъ мѣстъ, общихъ для всѣхъ подданныхъ Императрицы, назначая судей изъ числа лицъ, свѣдущихъ въ законахъ. „Отъ такого человѣка“—говорилъ Урсинусъ—„который знанія не имѣетъ, уже нельзя требовать исправнаго рѣшенія по труднымъ и сплетеннымъ дѣламъ, а наказывать его за неправильное рѣшеніе столь же неприлично, какъ учинить незнающему медицинской науки наказаніе за то, что онъ, пользуя ближняго своего по лечебнику, принужденъ былъ его уморить. А какое преимущество сіе предложеніе имѣетъ предъ мнѣніемъ тѣхъ, кои утверждаютъ, чтобы нѣкоторые дворяне приставлены были къ воеводамъ для рѣшенія тяжбъ, о томъ упоминать уже излишне, потому что воеводы по большей части были неученые офицеры; а что до живущихъ по деревнямъ дворянъ касается, то цѣлому вѣку пройти надобно, пока они сдѣлаются юристами, тѣмъ меньше прозорливыми и трудолюбивыми судьями“...

Но, предлагая назначеніе судей изъ юридически-образованныхъ лицъ, Урсинусъ понималъ, что такихъ лицъ отыщется немного, а между тѣмъ для большого пространства Имперіи, при условіи близости судей къ населенію, можетъ ихъ потребоваться большое число. Близость же судей къ населенію, по мнѣнію Урсинуса, была дѣломъ огромной важности. „Отъ дальняго отстоянія“ судебныхъ мѣстъ—говорилъ онъ—„въ провинціяхъ дѣлается то, что бѣдный челобитчикъ, начиная свою тяжбу, или больше издержать принужденъ, нежели чего искомое имъ въ судѣ стоитъ, или же не остается ему другаго удовольствія кромѣ грусти и соболѣзнованія, когда онъ по своему недостатку не въ состояніи нести необходимо-нужныя издержки. Но, какъ бѣдный согражданинъ, тратя нѣсколько рублей, больше разоряется, нежели богатый, теряя нѣсколько тысячъ, то въ законоположеніи не должно почитать страданіе бѣднаго человѣка маловажнымъ, ибо отъ жизни и небольшого имѣнія нѣсколькихъ

милліоновъ бѣдныхъ сыновъ отечества, а не отъ роскошной жизни малаго числа богатыхъ зависитъ богатство и сила нашей Имперіи, какъ нынѣ, такъ и въ будущія времена“. Какъ же удовлетворить противоположнымъ другъ другу требованіямъ—приблизить судъ къ населенію и назначать судей изъ лицъ дѣйствительно къ тому способныхъ, число которыхъ не можетъ быть значительно? Урсинусъ предлагаетъ для этого учрежденіе разъѣзжихъ судей. Одинъ судья—„искусный въ правахъ“—по его предложенію былъ бы опредѣляемъ на нѣсколько провинцій. Изъ нѣсколькихъ погостовъ образовался бы судебный округъ, и въ каждомъ округѣ судья держалъ бы судъ 2 или 3 раза въ годъ, оповѣстивъ объ этомъ населеніе за 4 недѣли напередъ. Держа судъ, судья долженъ бы былъ разбирать какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть надзоръ за дѣйствіемъ опредѣленныхъ отъ судебныхъ мѣстъ опекуновъ. Тяжущіеся могли бы дѣйствовать передъ судьей и письменно и устно, только чтобы все производство суда было записано въ протоколъ. При каждой сессіи должны были бы присутствовать 3 или 4 человека изъ близъ живущихъ дворянъ, *по выбору жителей тѣхъ мѣстъ*, но тяжущіеся могли бы отводить „нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ и другихъ изъ своихъ собратій на ихъ мѣста неподозрительныхъ людей избирать“. Выборные товарищи судьи должны „наблюдать, чтобы судья никому не отказывалъ въ судебныхъ преимуществахъ, и чтобы онъ предлагаемаго тяжёбнаго дѣла неправильно въ протоколъ не записывалъ, но каждому самымъ его слова изъ протокола прочитывалъ, дабы тѣмъ увѣриться въ подлинномъ его признаніи“. Присутствующіе дворяне „отрицательный голосъ въ томъ случаѣ имѣютъ, когда оныя всѣ единодушно въ томъ согласятся“. Замѣчу, что послѣднее предложеніе Урсинуса сближаетъ проектируемое учрежденіе товарищей судей съ учрежденіемъ „немдемановъ“ въ городскихъ судахъ Финляндіи.

На товарищей судьи Урсинусъ полагалъ также возложить обязанность послѣ публикаціи о времени производства суда въ каждомъ судебномъ округѣ вызывать къ суду отвѣтчиковъ.

„Если судья будетъ назначенъ такой большой округъ, въ которомъ ему чрезъ весь годъ упражнену быть надобно въ произведеніи суда, то жалованье ему по нѣсколько сотъ рублей въ годъ производить, которое ни казнѣ, ни обывателямъ тягостно не станетъ тѣмъ, что *губернскія и воеводскія канцеляріи останутся такими, какими имъ быть надлежитъ*, а именно присутственными мѣстами по дѣламъ, до экономіи, полиціи и экзекуціи касающимся, и число членовъ и служителей уменьшится *отлученіемъ судебныхъ дѣлъ изъ сихъ мѣстъ*“.

„Въ каждой изъ самыхъ большихъ губерній, а въ 2-хъ и 3-хъ меньшихъ вмѣстѣ“ (при этомъ нужно вспомнить, что губерніи—которыхъ всего было тогда 20—были гораздо обширнѣе нынѣшнихъ) „опредѣлить надобно апелляціоннаго судью, который бы въ 3-хъ или 4-хъ мѣстахъ губерніи или въ каждой провинціи 2 раза въ годъ держалъ апелляціонный судъ, въ которомъ бы нѣкоторые дворяне могли быть его товарищами на такомъ же основаніи, какъ о первомъ судѣ упомянуто. Въ ономъ апелляціонномъ судѣ рѣшаемы быть могутъ всѣ изъ перваго суда на апелляцію взятые дѣла безъ изъятія, хотя бы оныя были криминальныя или гражданскія; а изъ сихъ апелляціонныхъ судовъ дѣла переносимы быть имѣютъ въ государственную юстиць-коллегію, которой департаменты надлежало бы распредѣлить въ разныхъ мѣстахъ Имперіи. Вотчинная коллегія могла бы остаться только крѣпостною архивою“...

Для городовъ Урсинусъ предлагалъ особые городскіе суды, также изъ „людей въ правахъ искусныхъ“, при чемъ „могъ бы каждый меньшій городъ содержать одного ученаго бургомистра, а большіе города, кромѣ бургомистра, еще двухъ право знающихъ ратмановъ. Апелляціонный судья могъ бы рѣшать и апелляціонныя дѣла изъ городовъ, только бургомистры или другіе честные граждане, по избранію градскихъ жителей, должны, вмѣсто дворянъ, присутствовать тогда, когда апелляціонныя дѣла изъ городовъ производятся, выключая бургомистровъ тѣхъ мѣстъ, изъ коихъ апелляціонныя дѣла подлежатъ рѣшенію“.

Въ изложенномъ планѣ судоустройства наше вниманіе останавливается болѣе всего на тѣхъ чертахъ, которыя сближаютъ его съ основными началами судебной реформы Императора Александра II. Это—отдѣленіе суда отъ администраціи, всесословность суда, назначеніе судей изъ юристовъ, опредѣленіе имъ достаточнаго содержанія, уменьшеніе числа судебныхъ инстанцій, образованіе округовъ, приблизительно соотвѣтствующихъ округамъ нынѣшнихъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, выѣздныя сессіи судовъ. Въ подробностяхъ плана Урсинуса, какъ судоустройства, такъ и судопроизводства, можно найти еще многіе другіе признаки сходства съ установленіями 1864 года. Согласно съ высказаннымъ уже нѣсколькими депутатами мнѣніемъ, Урсинусъ предлагалъ „опредѣленіе при всѣхъ судебныхъ мѣстахъ искусныхъ и ученыхъ стряпчихъ, которые бы тяжущимся могли учинить вспоможеніе“.

Для сокращенія времени производства тяжebныхъ дѣлъ Урсинусъ предлагалъ:

- 1) Ограничить число бумагъ, представляемыхъ тяжущимися,

двумя съ каждой стороны въ апелляціонныхъ судахъ и одной въ Правительствующемъ Сенатѣ;

2) Отмѣнить „худое обыкновеніе, чтобы присутственнымъ мѣстамъ самимъ черезъ справки требовать изъ разныхъ мѣстъ извѣстій и доказательствъ, на которыхъ одна изъ тяжущихся сторонъ ссылается, потому что тяжущійся самъ долженъ доставить себѣ доказательства и оныя во всякой готовности въ судъ предъявить (только никакое присутственное мѣсто не должно отрещися выдать кому то, что къ доказательству служить можетъ, если оное только находится въ дѣлахъ того мѣста)“. Урсинусъ предлагалъ также въ интересѣ сокращенія времени производства дѣлъ, чтобы „до перваго начала тяжбы и въ первомъ судѣ представляемы были всѣ доводы, на которыхъ кто утверждается, а апелляціонные суды не должны были непосредственно принимать новыхъ доводовъ, когда оныя въ первомъ судѣ не представлены, потому что оный уже не преминулъ бы по онымъ доказательствамъ исправно рѣшить дѣло, не подавъ повода къ утружденію вышняго суда“.

Извѣстно, что эта послѣдняя мѣра не принята современнымъ русскимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства, который (ст. 747 устава для общихъ судебныхъ мѣстъ, для мировыхъ учреждений—163) воспрещаетъ лишь предъявленіе въ апелляціи новыхъ требованій, предъявленіе же апелляціонной инстанціи новыхъ доводовъ тяжущимся разрѣшается на основаніи статей 331 и 777 устава.

Въ остальныхъ частяхъ записки Урсинуса особенное вниманіе обращаютъ на себя его заботы объ уменьшеніи числа случаевъ, въ которыхъ допускается личное задержаніе кого бы то ни было изъ судящихся.

Затѣмъ останавлиюсь еще на одномъ мѣстѣ записки, имѣющемъ отношеніе ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, какъ къ судебнымъ, такъ и къ административнымъ. Урсинусъ высказываетъ желаніе, чтобы члены присутствій „сами упражнялись въ дѣлахъ, какъ то въ чужихъ краяхъ бываетъ“, т. е. разбирали между собою дѣла, и сами ихъ докладывали, не допуская, чтобы судьба дѣла зависѣла отъ малаго знанія и неискusstва канцелярскихъ служителей.

Но Урсинусъ хорошо понималъ, при какихъ условіяхъ подобное желаніе могло осуществиться, и не отказывался отъ указанія средствъ, которыя нужно было употребить для его осуществленія.

„Высокопочтеннымъ г.г. депутатамъ легко будетъ“—говорилъ онъ—„усмотрѣть, что по сему моему предложенію требуется отъ членовъ присутственныхъ мѣстъ больше знанія, нежели то, которое понынѣ въ нихъ почиталось довольнымъ. Полученіе ранга, ученіе

2-хъ языковъ или больше, переводъ какой-либо театральной пьесы или сочиненіе стиха еще не можетъ служить доказательствомъ, что такой человѣкъ имѣетъ способность заступитъ важное мѣсто ассессора, совѣтника или президента, ибо при всемъ томъ можетъ онъ быть ничего не вѣдающій въ законахъ и не имѣетъ довольнаго разсужденія, такъ какъ и одно природное умствованіе не составляетъ искуснаго судью; хорошій танцовщикъ не можетъ представить берейтора, а стихотворецъ не можетъ по причинѣ своихъ стиховъ почитаться домостроителемъ; и потому, какъ можетъ кто черезъ полученіе чина и ранга сдѣлаться въ правахъ, также въ дѣлахъ, до государственныхъ доходовъ, до коммерціи и мануфактуръ касающихся, искуснымъ. И потому не будетъ ли служить къ пользѣ нашего отечества, къ благосостоянію нашихъ согражданъ и позднѣйшихъ нашихъ потомковъ, если мы всеподданнѣйше попросимъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше указать, чтобы никто не опредѣленъ былъ въ какое-либо присутственное мѣсто членомъ, пока онъ при нѣкоторыхъ людяхъ, коихъ отличное знаніе и искусство общеизвестно, не объяснитъ принадлежащаго къ оному присутственному мѣсту труднаго дѣла; при томъ случаѣ скоро откроется его способность къ писанію, искусство въ законахъ, сила его разсужденія и пріобрѣтенное имъ объ интересѣ его отечества знаніе, безъ котораго никто не заслуживаетъ быть членомъ. Чрезъ такое учрежденіе присутственныя наши мѣста освобождены будутъ отъ множества подъячихъ, и мы не принуждены будемъ видѣть благосостояніе наше зависящимъ отъ такихъ людей, кои и въ рукахъ не имѣли тѣхъ книгъ, въ которыхъ законы написаны“.

А. Вороновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

